

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

В ЛИТЕРАТУРНОМ наследии Варлама Тихоновича Шаламова есенинская тема звучит не случайно: то впрямую, то подспудно она сближает трагическую судьбу Шаламова с драматической историей жизни Сергея Есенина. В различных критических статьях, в частной переписке, в «Очерках преступного мира» («Аполлон среди блатных»), в эссе «Сергей Есенин и воровской мир» Варлам Шаламов исследует, пытается понять для себя человеческий и поэтический феномен великого поэта России, его чудодейственное влияние на умы и сердца миллионов людей — униженных и оскорбленных, бедных и богатых, сильных и слабых, сытых и голодных...

Имя и стихи Есенина прозвучали впервые для Шаламова не в Вишерских лагерях Северного Урала и не на Колымском тракте, а в начале 20-х годов в Москве на поэтических вечерах: от аудиторий университета до рабфаковских тесных «красных уголков». Имя Есенина гремело по всей необъятной России, и юный студент МГУ Варлам Шаламов, непременный участник всевозможных литературных диспутов, споров, митингов, на которых, по его словам, «решения правительства обсуждались тут же, как в конвенте», он

изгнать из жизни есенинскую «лирику взбесившихся кобелей» и, как вывод, «по есенинщине нужно дать хорошенкий залп».

Сын священника-миссионера, Варлам Шаламов сразу почувствовал в поэтическом стиле Сергея Есенина родные, близкие звуки, понял глубинный смысл его лирики. И в трагический декабрь 1925 года рабочий-дубильщик Шаламов приехал из подмосковной Сетуни, где работал на местном кожевенном заводе, в Москву, чтобы проститься с любимым поэтом. В «Заметках студента МГУ» Шаламов писал: «Так и не пришло мне услышать, увидеть Есенина — красочную фигуру первой половины двадцатых годов. Но все, что было после, помню: коричневый гроб, приехавший из Ленинграда. Толпа людей на Страстной площади. Коричневый гроб трижды обносят вокруг памятника Пушкину, и похоронная процесия плывет на Ваганьково. Самоубийство поэта наполнило новым смыслом живой кровью многие, многие строки его стихов. То, что казалось позором, на поверхку оказалось трагедией. Плохая «отделка» многих стихов отступала в сторону перед живой правдой, живой кровью».

Вспоминая Москву двадцатых годов, которая во многом сформировала его худо-

В КОНЦЕ 20-х годов Варлам Шаламов вновь встретился с есенинскими стихами, но уже не на литературном вечере, а на арестантском этапе. В феврале 1929 года он впервые был арестован за распространение якобы «политической фальшивки» — «Письма к съезду», знаменитого письма В. И. Ленина XII съезду партии большевиков, которое ныне известно каждому школьнику. Приговор гласил: три года лагерей. Свои «истинные душевые качества» заключенный В. Шаламов начал испытывать на пешем этапе в 4-м отделении концентрационного лагеря Управления Соловецких лагерей особого назначения, расположенного на Северном Урале, на Вишере (позже он написал об этом антироман «Вишера»). Само окружение, происходящее вокруг напомнило Шаламову раннее стихотворение Есенина «В том краю, где желтая крапива...» (1915), в котором печально звучат такие строчки:

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

нина родил с «тюремной» братией по книжному, выбирая аспекты лирики поэта, филологически близкие тем условиям, в которых те люди находились, да еще с ощущением «вызыва, протеста, обреченности», упирая на бытую жизнь воспоминание с «пьянством, кутежами, воспевающим разрвата».

На мой взгляд, Шаламов прошел лишь по верхнему краю есенинской исповедальной лирики, той лирики, что соседствует с «жестоким» городским романом, звучащим далеким отзвуком минувшего XIX века, со временем Аполлона Григорьева. Но для современного читателя интерес шаламовского эссе прежде всего в том, что материал написан человеком, знающим «воровской мир» изнутри, от пережитого в том страшном мире, где сами условия опустошали «душу живу». А ведь душа человеческой всегда необходимо жить надеждой и состраданием ближнего. Такой оправдательной надеждой, таким милосердным состраданием и стали для миллионов обездоленных стихи Есенина. Об этом надо прежде всего помнить при чтении психологического эссе-исследования Варлама Шаламова, продолжавшего тему очерка преступного мира «Женщина блатного мира» и «Аполлон среди блатных».

К 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. ЕСЕНИНА

ДВА ПРАВЕДНИКА

Сергей Есенин в судьбе и творчестве Варлама Шаламова

стремился воочию увидеть легендарного поэта. Однако личной встречи между ними не произошло, несмотря на то, что Есенин постоянно вращался в среде литературной молодежи — «молодняка», как тогда выражались. В социальном кotle общественной жизни поэты всех групп и направлений, от футуристов и имажинистов до конструктивистов и ничевоков, спорили о литературе «факта» и о роли самостийного образа в стихах, о прочих сложностях поэтического ремесла; в свою очередь рабфаковская молодежь вела бесконечные споры о «мировой революции», которую в то время ждали со дня на день, начиная от наркома Троцкого до деятелей ультралевого Пролеткульта... «Нам казалось недостаточным видеть, знать, жить. Нам хотелось действовать самим, пока не прошли сроки бессмертия...» — вспоминал Шаламов о годах своей юности.

Так в спорах о литературе и о бессмертных поэтах-попутчики (от Маяковского до Есенина) и уверенная в себе пролетарская молодежь 20-х годов не заметили близкой опасности наступающего сталинского кашевенного социализма с его идеологией арестованного общественного сознания. Хотя надо отметить, Есенин интуитивно почуял надвигающуюся опасность еще в 1923 году, когда писал в известном теперь письме А. Кусикова: «Тошно мне за конному сыну российскому в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блэджское снисходительное отношение власти имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей Богу не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу. (...) А теперь, теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, как какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому. В нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь».

Свой протест против насилиственной колективизации личного творчества Есенин выразил и в неоконченной статье «Россияне». В 1923—1927 годах, когда романтически настроенный юный Шаламов активно участвовал в ликбезе и без устали впитывал в себя новейшие веяния литературно-поэтической среды, со страниц центральной прессы продолжался пристальный обстрел Есенина и его поэзии, когда идеологи «распролетарского типа» А. Сосновский и Н. Бухарин призывали

художественный облик, Шаламов постоянно касается есенинской темы, ее социальной остроты, что будоражила умы по всей России. От наркома Луначарского до провинциальных поэтов — таков был общественный диапазон неутихающих споров, мнений, диспутов — того «времени ораторов» вокруг имени и стихов Есенина. В осмысливании дней своей литературной молодости Варлам Тихонович пришел к такому выводу, характеризуя прошлое: «Наступили двадцатые годы с их фальшью для многих и перерождением живых душевых самобытностей в механические науки и схемы, период для Маяковского еще более убийственный и обезличивающий, чем для меня, неблагополучный и для Есенина...»

В этих словах — формула драмы Есенина, поэта, органически не способного переродиться в приспособленца-литератора, отдать, что означало предать, свою «живую душевную самобытность» на потребу «механическим наукам и схемам». Шаламовская формула 20-х годов относится к 1952 году, но, словно предвосхищая ее, еще в 1922 году Есенин писал из Америки на родину: «Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно... Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве. В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа... С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки... Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только бы не здесь, не здесь».

И в стихах, одно из которых поэт с вызовом назвал «Русь Советская» (но все же РУСЬ), он без утайки признавался всем:

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю.
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она
свои вверяла звуки,
И песни нежные лишь только пела мне.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди.
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди.
Люди в кандалах.

Именно этим стихотворением Шаламов начинает свое эссе «Сергей Есенин и воровской мир», описывая первую ссылку на Северный Урал, ту дорогу, по которой мог пройти в кандалах и сам поэт, будь он жив, и по которой прошли многие друзья-поэты Сергея Есенина: Петр Орешин, Николай Клюев, Василий Наседкин, Сергей Клычков, Иван Приблудный...

В те годы (конец двадцатых — начало тридцатых) само чтение есенинских стихов расценивалось сталинскими идеологами как «кантисоветская агитация», и люди привлекались к уголовной ответственности за пропаганду «кулацкого поэта Есенина». Подобное длилось почти тридцать лет... Напомню, что Варлам Шаламов получил десять лет колымских лагерей только за то, что назвал публично писателя-эмигранта Ивана Бунина классиком русской литературы..

На протяжении почти двадцати лет испытывал Варлам Шаламов на себе произвол сталинщины и разноликих опричников ГУЛАГа, безраздельно властвовавших «от Москвы до самых до окраин». Там, на бесконечных лагерных этапах, постигал Шаламов законы жизни и литературного мастерства. И повсюду он встречался с поэтическим словом Сергея Есенина, потому как слово то помогало людям выжить, выстоять в трудный час жизни. В те годы Шаламов по-новому открыл для себя лирику Есенина не как теоретик литературы, а как узник ГУЛАГа, уяснив для себя, что есенинская поэзия в наиболее доступной ее части, доходчивой, является постоянной, прописанной органической частью лагерной жизни, того быта, обездоленного духовного уклада.

В ДНИ позднейших лагерных скитаний В. Шаламов отошел от былого книжного, чисто литературного восприятия есенинской поэзии, когда он и свою катархную долю описывал как «этап из книжек», напоминавший во многом то, что «было похоже на читанное раньше». И применительно к этому «книжному» этапу он и Есе-

нина родил с «тюремной» братией по книжному, выбирая аспекты лирики поэта, филологически близкие тем условиям, в которых те люди находились, да еще с ощущением «вызыва, протеста, обреченности», упирая на бытую жизнь воспоминание с «пьянством, кутежами, воспевающим разрвата».

Сама идея очерков возникла, судя по всему, у Шаламова еще в 20-е годы, когда он впервые прочитал нашумевший сборник Есенина «Москва кабацкая»... И много позднее, в середине 70-х годов, в неоконченных автобиографических набросках В. Т. Шаламов писал, вспоминая свой творческий путь: «Встреча с есенинскими сборниками, «Песнословом» Клюева, с «Поэзоантрактом» Северянина — самое сильное впечатление от столкновения с поэзией тех лет. Все мои старшие товарищи ругали эти книжки, но я понимал, что это — настоящие стихи, хотя и написанные по другим каким-то канонам, чем учили нас в школе — даже в литературных кружках... Поэтому к Пушкину, Лермонтову, Державину я вернулся позднее — после Есенина...»

Б БУМАГАХ Варлама Шаламова остались и другие размышления о поэзии Есенина.

В 1965 году, в дни 70-летнего юбилея Сергея Есенина, Варлам Шаламов впервые высказался в обобщающей форме о сути есенинского художественного наследия.

По мысли Шаламова, Есенин относился к тому типу русского поэта, «которого любой человек может начать приобщение к поэзии, начать учиться любить, чувствовать и понимать стихи». Вот отчего Есенин — исключение даже для страшного, ущербного, обездоленного мира уголовного люда, ибо и в том запретном мире не угасли в мятущихся зачарованных душах нотки, отзывающиеся на чистый звук есенинской лирики, поющею о голубой Руси, об ощенившейся сукне, о подстреленной лисице... И вдруг, рассуждая о форме стиле поэзии Есенина, Шаламов делает простой, до пронзительности верный вывод: «Животные просто включены Есениним в мир людей и так же интересны ему, как люди». Поразительно точно! Весь Есенин в том природном единстве — людей и «братьев меньших»...

И из терпкой чаши одних и тех же мирских противоречий сполна испили за свою жизнь Сергей Есенин и Варлам Шаламов — два праведника с единой родственной душой.

Алексей КАЗАКОВ

ЧЕЛЯБИНСК